

Научная статья

УДК 340.01

**ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ДИАЛЕКТИКА ПРАВОВЫХ СТИМУЛОВ И
ОГРАНИЧЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРАВА: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ****Степан Олегович Аврамов¹, Михаил Алексеевич Комиссаров², Виктор Петрович Сальников³,
Светлана Анатольевна Кудина⁴**¹⁻⁴ Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия¹ spvi2023@mail.ru² kma41.95@mail.ru³ Fonduniver@bk.ru⁴ k.svetlanna@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается философско-правовая взаимосвязь государственно-правовой идеологии, правовых стимулов и правовых ограничений специального субъекта права. Обосновывается, что государственно-правовая идеология проявляется не только в программных и доктринальных положениях, но и в конкретных юридических средствах, посредством которых государство формирует образ должного правомерного поведения. Особое внимание уделяется военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации как специальному субъекту права, правовой статус которого предполагает сочетание повышенных обязанностей, ограничений, гарантий, поощрений и профессиональной правовой культуры. Делается вывод о том, что эффективность государственно-правовой идеологии зависит от диалектического баланса стимулирующих и ограничительных средств, а также от способности профессиональной правовой культуры обеспечивать внутреннее принятие правовых требований.

Ключевые слова: государственно-правовая идеология; правовые стимулы; правовые ограничения; специальный субъект права; военнослужащие войск национальной гвардии Российской Федерации; профессиональная правовая культура; ценность права

Для цитирования: Аврамов С.О., Комиссаров М.А., Сальников В.П., Кудина С.А. Государственно-правовая идеология и диалектика правовых стимулов и ограничений специального субъекта права: философско-правовой аспект // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 16–29. URL: <http://vestnik-academrg.ru/2026/09/002.pdf>.

Original article

**STATE-LEGAL IDEOLOGY AND DIALECTIC OF LEGAL INCENTIVES AND RESTRICTIONS OF A SPECIAL
LEGAL ENTITY: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECT****Stepan Olegovich Avramov¹, Mikhail Alekseevich Komissarov², Viktor Petrovich Salnikov³**¹⁻³ Academy of National Guard Troops, St. Petersburg, Russia¹ spvi2023@mail.ru² kma41.95@mail.ru³ Fonduniver@bk.ru

Abstract. The article examines the philosophical and legal relationship between the state-legal ideology, legal incentives and legal restrictions of a special legal entity. It is proved that the state-legal ideology is manifested not only in programmatic and doctrinal provisions, but also in specific legal means through which the state forms an image of proper lawful behavior. Special attention is paid to military personnel of the National Guard of the Russian Federation as a special legal entity, whose legal status implies a combination of increased responsibilities, restrictions, guarantees, incentives and professional legal culture. It is concluded that the effectiveness of state-legal ideology depends on the dialectical balance of stimulating and restrictive means, as well as on the ability of professional legal culture to ensure the internal acceptance of legal requirements.

Keywords: state-legal ideology; legal incentives; legal restrictions; special legal entity; military personnel of the National Guard of the Russian Federation; professional legal culture; the value of law

For citation: Avramov S.O., Komissarov M.A., Salnikov V.P., Kudina S.A. State-legal ideology and dialectic of legal incentives and restrictions of a special legal entity: philosophical and legal aspect. *Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii*. 2026;3(36): 16–29. (In Russ.). Available from: <http://vestnik-academrg.ru/2026/09/002.pdf>.

© Аврамов С. О., Комиссаров М. А., Сальников В. П., Кудина С.А. 2026

Введение

В современной юридической науке вновь возникает вопрос о соотношении нормативного и ценностного начал права. Его сведение к совокупности формально установленных правил оставляет без объяснения способность права воздействовать на правосознание, формировать представление о должном поведении и связывать государственные цели с общественным порядком и личной ответственностью. Однако и обратная трактовка, при которой право понимается преимущественно как выражение ценностей, недостаточна: она не показывает, благодаря каким юридическим средствам ценности приобретают обязательность, институциональную обеспеченность и устойчиво воспроизводятся на практике. По этой причине исследование государственно-правовой идеологии в философско-правовом аспекте предполагает анализ не только ее декларативного содержания, но прежде всего правовых конструкций, посредством которых идеология включается в механизм правового воздействия.

В указанной связи особого внимания требуют правовые стимулы и ограничения. Их назначение не исчерпывается ролью технических инструментов регулирования: через них право организует поведение и в ценностном отношении. Ограничение определяет меру допустимого, отделяя свободу от произвола, а служебную инициативу – от дисциплинарного нарушения. Стимул задает иную направленность воздействия. Посредством него получает позитивное юридическое признание желательная правомерная активность; субъекту обозначается не только поведение, от которого следует воздерживаться, но и такое поведение, которому придается повышенная социальная значимость. Поэтому сочетание стимулов и ограничений не сводится к набору запретов, обязанностей, льгот и поощрений. Речь идет о более сложной модели, где нормативное предписание получает аксиологическое обоснование.

Особенно наглядно рассматриваемая взаимосвязь проявляется в правовом положении специального субъекта. Военнослужащий войск национальной гвардии Рос-

сийской Федерации участвует в публично-служебных отношениях, в которых осуществление правового статуса предполагает дисциплину и подчиненность, готовность решать общественно значимые задачи, законно применять властные полномочия и лично отвечать за принятые решения. Поэтому содержание такого статуса нельзя исчерпывающе представить в виде перечня прав, обязанностей, запретов и гарантий. Он содержит ценностно-нормативный образ субъекта, в котором государство соединяет требования безопасности, правопорядка, служебного долга, профессиональной культуры и социальной защищенности [6, с. 10–14].

Цель настоящей статьи состоит в философско-правовом обосновании положения о том, что правовые стимулы и правовые ограничения специального субъекта права выступают юридическими средствами реализации государственно-правовой идеологии. При этом государственно-правовая идеология понимается не как совокупность политических лозунгов и не как внешняя по отношению к праву доктрина, а как система правовых идей, нравственно-правовых ценностей, принципов и представлений о должном правовом порядке, которые получают выражение в нормативных конструкциях, правоприменительной практике и профессиональном правосознании [31, с. 135–138] и носят суверенный характер [22; 40; 44]. Методологическую основу анализа составляют диалектический, аксиологический, системный и формально-юридический подходы [15], позволяющие рассматривать стимулы и ограничения в единстве их регулятивного, мотивационного и ценностного назначения.

Государственно-правовая идеология как форма юридически организованного смысла

Категория государственно-правовой идеологии требует осторожного обращения, поскольку в научной традиции понятие идеологии исторически получало различные, а нередко и противоположные смысловые оттенки. Оно может обозначать учение о происхождении идей, систему мировоззренческих представлений, инстру-

мент социальной мобилизации, средство легитимации власти либо форму коллективного самоопределения. Многозначность смысла данной категории не является недостатком сама по себе. Напротив, она показывает, что идеология связана с тем уровнем общественного бытия, где факты, нормы, ценности и символы не существуют изолированно, а образуют систему ориентации субъекта в социальном мире [28; 29].

В правовой плоскости идеология приобретает особую форму. Она не сводится к убеждению, настроению или политической оценке. Ее содержание становится юридически значимым лишь тогда, когда ценностные представления получают нормативное закрепление, влияют на построение правового статуса, задают цели правового регулирования и направляют деятельность правоприменителя. Государственно-правовую идеологию в данном случае можно рассматривать как смысловой уровень правовой системы. Не подменяя собой норму, она позволяет раскрыть основания признания конкретного предписания необходимым. Не заменяя юридическую ответственность, она выявляет ценности, ради охраны которых та установлена. Наконец, идеология не устраняет свободу субъекта, а задает границы, за пределами которых свобода утрачивает правомерный характер.

Философско-правовая специфика государственно-правовой идеологии раскрывается через категорию должного. Позитивное право устанавливает юридически обязательное поведение, тогда как идеологическое содержание права объясняет основания, по которым соответствующее требование воспринимается как необходимое, справедливое и социально оправданное. Идеология в этом смысле не служит внешним оформлением нормы. Благодаря ей норма воспринимается как правовая, а не исключительно как властное предписание. Поэтому идеологическое измерение следует искать не только в положениях Конституции, программных документах и научных доктринах. Оно проявляется и в конкретных юридических средствах, направляющих поведение адресата. Характер государственно-правовой идеологии может быть определен как синкретический – по аналогии с правовой культурой [2; 14; 26; 43] – и компрехендный – по аналогии с познанием права [17; 18; 19; 20, с. 5–118; 21; 23].

Такое понимание непосредственно влияет на анализ стимулов и ограничений. При интерпретации правовой нормы исключительно как властной команды стимул

предстает предоставленным преимуществом, а ограничение – простым сужением возможности. Аксиологический ракурс обнаруживает иное содержание этих средств. Стимул юридически выражает признание ценного поведения. Ограничение охраняет те пределы, без которых осуществление свободы одним лицом способно поставить под угрозу безопасность, права и законные интересы других. Государственно-правовая идеология, таким образом, присутствует не только в нормах, прямо закрепляющих ценности. Она выявляется и в распределении дозволений, мер поддержки, запретов, ответственности и поощрений.

Эта взаимосвязь становится еще более отчетливой в суверенном измерении государственно-правовой идеологии [12; 24; 42]. Правовая система, обеспечивающая самостоятельность государства, публичный порядок и внутреннюю устойчивость общества, не может оставлять свое ценностное основание неопределенным. Соответствующие ценности получают выражение в правовых принципах, режимах и статусах. Суверенность в данном контексте не предполагает отрыва национальной правовой системы от универсальных юридических категорий. Она означает способность государства самостоятельно выстраивать ценностно-нормативную основу правового развития с учетом исторической преемственности, публичных интересов, сложившейся правовой культуры и задач безопасности [30].

При таком подходе государственно-правовая идеология предстает формой организации юридического смысла. Она существует в праве, однако не исчерпывается содержанием отдельных предписаний. Ее действие прослеживается в выборе моделей поведения, которые получают правовую поддержку, в исключении поступков, несовместимых с публичной службой, в гарантиях для лиц, принявших повышенные обязанности, наконец, в требованиях к их правовой зрелости. Именно в этой плоскости правовые стимулы и ограничения становятся не периферийными, а центральными юридическими средствами реализации идеологически насыщенного правового воздействия.

Правовые ограничения: предел свободы и охранительное измерение правового порядка

Правовое ограничение нередко воспринимается как отрицательная сторона правового статуса, поскольку оно связано с уменьшением объема возможного поведения. Такая трактовка неполна. Ограничение действительно сужает определен-

ную возможность, однако его правовая природа не исчерпывается фактом сужения. В философско-правовом измерении ограничение выражает идею меры. Оно показывает, что свобода в праве не является бесформенной произвольностью: она существует в границах, позволяющих сохранять порядок, безопасность, равенство субъектов и предсказуемость юридических последствий [4].

Историческое развитие правовых ограничений свидетельствует о том, что их содержание всегда зависело от господствующего понимания публичного интереса. На различных этапах отечественной государственности ограничения могли иметь сословный, имущественный, идеологический, чрезвычайный, служебный или режимный характер. Такая изменчивость не отменяет общей функции ограничения: оно всегда выступало способом установления пределов поведения в целях охраны определенного социального порядка. Вместе с тем правовая ценность ограничения связана не с самим фактом его введения. Она определяется юридической ясностью и соразмерностью установленной меры, ее обоснованием публичной целью, а также наличием гарантий, исключающих произвольное применение [6, с. 17–49].

Для специального субъекта правовое ограничение имеет особую смысловую нагрузку. Его нельзя считать произвольным умалением правовой личности: необходимость ограничения вытекает из природы публично-служебного статуса. Военная служба предъявляет повышенные требования к дисциплине, строится на иерархии управления, предполагает готовность действовать в условиях риска, уменьшение автономии поведения и особый режим ответственности. Однако ни один из этих признаков сам по себе не означает отрицания правовой свободы. Свобода здесь приобретает особую юридическую форму, обусловленную служебным самообязыванием.

В этом проявляется охранительно-дисциплинарное содержание государственно-правовой идеологии. Через ограничения государство фиксирует ценностную иерархию, в которой личная автономия специального субъекта соотносится с задачами национальной безопасности, общественного порядка, законности, защиты прав граждан и устойчивости военной организации. Ограничение тем самым выступает не только средством запрета, но и формой институциональной ответственности: вступая в специальный статус, субъект принимает на себя обязанность действовать в таких пределах, которые соответ-

ствуют публичному доверию к его полномочиям.

Для военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации это имеет особое значение в связи с характером задач, включающих участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности, противодействии терроризму и экстремизму, охране важных государственных объектов и выполнении иных функций, связанных с защитой личности, общества и государства [1; 3; 36; 37]. Служебное поведение в данной сфере не может строиться только на общей модели гражданской свободы [13; 16; 25]. Оно предполагает дополнительную правовую собранность субъекта, способность соотносить распоряжение, приказ, служебную необходимость и пределы законного вмешательства в права других лиц.

Тем самым ограничение выступает не только внешней границей поведения, но и внутренним требованием профессиональной правовой культуры. Военнослужащий, наделенный властными полномочиями, обязан воспринимать ограничение не как административное препятствие, а как форму юридической меры, позволяющей отличить законное применение полномочия от его произвольного использования. Чем шире предоставленная государством возможность принудительного воздействия, тем выше значение правового самоограничения. В этом смысле ограничение служит не только государству, но и самому субъекту, поскольку защищает его служебное поведение от выхода за пределы права.

Правовое ограничение, лишённое ценностного основания, легко превращается в бюрократическую формальность либо инструмент давления. Поэтому философско-правовой анализ требует рассматривать его в единстве трех критериев: законности, соразмерности и правовой определенности. Законность отвечает на вопрос об источнике ограничения; соразмерность – о допустимом объеме вмешательства; правовая определенность – о понятности пределов поведения для адресата. Только при наличии этих условий ограничение способно реализовывать государственно-правовую идеологию правового порядка, а не разрушать доверие к праву.

Правовые стимулы: признание ценного поведения и обеспечительное измерение службы

Если ограничение выражает юридическую меру допустимого поведения, то правовой стимул раскрывает позитивную сторону правового воздействия. Посредством стимула государство обозначает поведе-

ние, которое признается не просто допустимым, а социально ценным и потому заслуживающим поддержки, поощрения либо дополнительного обеспечения. В этом состоит его отличие от выгоды как таковой. Последняя может быть частной, случайной или обусловленной экономическим интересом. Правовой стимул, напротив, имеет нормативную форму и свидетельствует о значимости определенного поведения для публичного порядка.

Содержание правовых стимулов не ограничивается выплатами, льготами и наградами. К ним относятся также поощрительные, обеспечительные, компенсационные, статусные и морально-психологические средства. Используя их, государство поддерживает заинтересованность субъекта в инициативном, добросовестном и правомерном поведении [5]. В отличие от принуждения стимул действует через создание благоприятных юридических условий. Вместе с тем подобный режим имеет определенную цель: ориентировать адресата не на получение преимущества как такового, а на устойчивое исполнение правомерной социальной роли [6, с. 50–68].

Применительно к военным служащим система стимулов приобретает специфическую структуру. Военная служба сопровождается повышенными обязанностями и ограничениями, риском, дисциплинарной подчиненностью, а также высокими требованиями к самоорганизации. Вследствие этого стимулы выполняют здесь две взаимосвязанные функции – поощрительную и обеспечительную. Они компенсируют нагрузку, обусловленную специальным статусом, содействуют социальной устойчивости самого военнослужащего и его семьи, создают возможности для профессионального развития. Одновременно поддерживаются мотивация к добросовестному исполнению воинского долга и осознание общественной значимости службы.

Благодаря стимулам государственно-правовая идеология получает мотивационное содержание, в котором выражено признание ценности правомерного поведения. Право предъявляет требования, но вместе с тем подтверждает публичную ценность их добросовестного исполнения; устанавливая ограничения, оно одновременно обеспечивает субъекта. Для военной службы такое сочетание имеет особое значение. Дисциплина, поддерживаемая только опасением ответственности, способна обеспечить внешнее подчинение, однако не формирует устойчивой правовой убежденности. Более прочная служебная мотивация возникает тогда, ко-

гда осознание долга сопровождается справедливым признанием и чувством социальной защищенности.

При этом стимул не может подменять собой обязанность. Его философско-правовое назначение не связано ни с приобретением лояльности, ни с обменом служебной самоотдачей на материальные преимущества. Стимулирование призвано укреплять внутреннюю правомерную мотивацию. Если же оно вытесняет такую мотивацию, его юридическое содержание утрачивается: соответствующие меры превращаются либо в административный способ удержания кадров, либо в распределение благ, не соотношенное с ценностью служения. Отсюда вытекают требования к правовому стимулу. Подобно ограничению, он должен иметь определенного адресата, быть обоснован публичной целью, соразмерен ей и включен в общую систему правового статуса.

При формировании военной культуры и патриотизма стимулы действуют не только через личную заинтересованность военнослужащего. Не менее важна их символическая сторона. Награда или поощрение, досрочное присвоение звания, статусная поддержка, социальная гарантия и иные формы правового благоприятствования закрепляют представления о ценности служения, чести и долга, воинском товариществе, ответственности перед обществом и государством. Поэтому правовые стимулы являются одновременно юридическими и культурными средствами: они закрепляют в праве то, что должно быть признано значимым в профессиональной среде.

С этой точки зрения правовые стимулы раскрывают обеспечительное измерение государственно-правовой идеологии. Государство, устанавливая повышенные требования к специальному субъекту, не может ограничиться только императивным предписанием. Оно должно обеспечить условия, при которых принятие специального статуса не разрушает социальную защищенность лица, не обесценивает служебный риск и не оставляет без признания добросовестное исполнение долга. В противном случае идеология служения утрачивает правовую убедительность, поскольку требование ответственности оказывается не уравновешенным требованием справедливой поддержки.

Диалектика стимулов и ограничений как механизм реализации государственно-правовой идеологии

Наиболее продуктивным является не раздельное, а диалектическое рассмотрение стимулов и ограничений. Их проти-

вопоставление возможно лишь на поверхностном уровне: стимул расширяет благоприятные возможности, ограничение сужает пространство поведения. В реальном механизме правового воздействия они взаимно предполагают друг друга. Стимул без ограничения теряет нормативную направленность и может превратиться в раздачу преимуществ, не связанную с правомерной целью. Ограничение без стимула превращает право в преимущественно сдерживающий механизм, снижая его способность к формированию внутренней правовой мотивации.

Диалектика правовых стимулов и ограничений выражает более общий закон правовой формы: право действует не только через отрицание неправомерного, но и через утверждение ценного [7]. Ограничение отвечает за охрану пределов, стимул – за поддержание направления. Ограничение задает минимально необходимую дисциплинарную рамку, стимул формирует положительную ориентацию субъекта внутри этой рамки. Ограничение охраняет правопорядок от разрушения, стимул обеспечивает его воспроизводство через заинтересованное и сознательное поведение.

Для специального субъекта права такая взаимосвязь имеет не отвлеченное, а практическое значение. Военнослужащий войск национальной гвардии Российской Федерации находится в системе, где недостаточность ограничений может привести к произвольному использованию полномочий, снижению дисциплины и угрозе правам граждан. Но и недостаточность стимулов способна породить формализм, снижение профессиональной мотивации, восприятие службы исключительно как системы обязанностей и запретов. Поэтому устойчивость военно-служебных отношений обеспечивается не максимизацией одного из средств, а их соразмерным сочетанием.

Именно в этом сочетании проявляется социальная ценность права. Ценность права состоит не только в способности запрещать опасное и наказывать виновное. Она выражается также в умении создавать условия, при которых субъект принимает правомерное поведение как разумное, справедливое и внутренне оправданное [27; 33; 34; 35]. Если право чрезмерно ограничивает, оно рискует утратить доверие адресата и превратиться в систему внешнего давления. Если право чрезмерно стимулирует без ясных пределов, оно утрачивает дисциплинирующую и охранительную функцию. Баланс этих начал является не компромиссом слабости, а условием

зрелости правового регулирования [6, с. 69–91].

Государственно-правовая идеология в этой связи выступает не отвлеченной надстройкой, а принципом согласования. Она задает смысловую рамку, в пределах которой можно оценить, какие ограничения являются необходимыми, какие стимулы являются справедливыми, какие формы поведения заслуживают поддержки, а какие должны быть исключены из профессиональной практики. Без такого ценностного горизонта правовое регулирование распадается на отдельные меры: запреты, льготы, обязанности, гарантии, санкции. В рамках же идеологически заданной системы эти средства взаимно согласуются и в совокупности формируют модель должного служебного поведения.

Диалектическая связь стимулов и ограничений позволяет иначе поставить вопрос о соотношении свободы и дисциплины. Для специального субъекта публично-служебных отношений свобода сохраняется, хотя и осуществляется в юридически организованных пределах. Дисциплина, в свою очередь, не призвана подавлять личность; ее назначение состоит в том, чтобы соотнести поведение с требованиями закона и публичными целями службы. Стимулы обращены к субъектной стороне служения, ограничения закрепляют его нормативную меру. В их единстве военнослужащий предстает не пассивным объектом принуждения и не получателем привилегий, а правовой личностью, чьи действия определяются воинским долгом, законностью и ответственностью.

Следовательно, реализация государственно-правовой идеологии через стимулы и ограничения предполагает их ценностную соотнесенность, а не механическое применение. Основанием ограничения служат охраняемые им ценности, основанием стимула – ценности поддерживаемого поведения. Нарушение этой связи деформирует восприятие обоих средств: ограничение оценивается как проявление произвола, а стимул – как неоправданная привилегия. При сохранении ценностной связи право выходит за пределы формального предписания и контроля: оно способно убеждать и участвовать в формировании профессионального правосознания.

Специальный субъект права в системе ценностно ориентированного регулирования

Обращение к категории специального субъекта права показывает адресный характер государственно-правовой идеологии. Право не ориентируется на абстрактного человека вне его социальных связей.

Оно формирует различающиеся статусы с учетом выполняемой роли, объема полномочий, степени риска и ответственности, а также публичной значимости соответствующих функций. Поэтому специальный субъект отличается не просто дополнительными обязанностями и ограничениями. Его правовое положение выражает особую институциональную связь с государством, вследствие которой индивидуальное поведение приобретает публичное значение.

Статус военнослужащего войск национальной гвардии Российской Федерации сочетает общегражданское правовое положение с публично-служебной функцией; именно это сочетание характеризует его как специального субъекта. Он остается носителем правовой личности, но одновременно принимает на себя дополнительные требования, связанные с военной службой. Он обладает определенными правами и гарантиями, но его поведение подчинено особой дисциплинарной логике. Он может реализовывать властные полномочия, но эти полномочия ограничены законом, назначением службы и требованием уважения к охраняемым правовым ценностям [6, с. 92–148].

Идеологически ориентированное правовое регулирование специального субъекта проявляется в том, что государство задает не только перечень юридически допустимых действий, но и профессиональный образ должного поведения. Этот образ включает дисциплинированность, правовую грамотность, способность действовать в нестандартных условиях, уважение к законности, готовность к служебному риску, осознание публичного смысла воинского долга и принятие ответственности за последствия решений. Данный образ не существует в отвлеченной моралистической форме; он юридически материализуется через систему обязанностей, ограничений, гарантий, поощрений и ответственности.

В этом смысле правовые стимулы и ограничения являются статусной матрицей специального субъекта. Ограничения показывают, какие элементы частной автономии должны быть поставлены в пределы служебного назначения. Стимулы показывают, какие качества, действия и результаты государство признает ценными для службы и поддерживает юридическими средствами. Во взаимосвязи этих средств складывается правовой статус военнослужащего: служебная обязанность соотносится с социальной гарантией, дисциплина – с признанием, полномочие – с ответственностью, публичное доверие – с правовой культурой.

Специальный субъект, таким образом, служит особенно наглядным адресатом государственно-правовой идеологии. В структуре общего статуса ее содержание выражено менее концентрированно – посредством универсальных прав, обязанностей и запретов. Иное наблюдается в специальном статусе. Здесь ценностное содержание права обнаруживается отчетливее: ограничения нуждаются в более строгом обосновании, стимулы – в непосредственной связи с публичной функцией, а гарантии – в учете конкретных рисков и нагрузки, обусловленных службой.

Рассмотрение статуса с этих позиций не позволяет свести его к административному перечню льгот и запретов. Специальный правовой статус юридически оформляет доверие государства к субъекту, однако само доверие имеет две стороны. Осуществление общественно значимых полномочий поручается военнослужащему; в то же время их реализация ограничивается и контролируется, поскольку неправомерное использование власти создает угрозу правам граждан и публичной безопасности. Поэтому стимулы и ограничения выступают в данном случае не разрозненными элементами статуса, а правовыми средствами поддержания и обеспечения такого доверия.

В отношении специального субъекта государственно-правовая идеология получает тем самым конкретное практическое выражение. Ценности служения, законности и безопасности не только провозглашаются, но и воплощаются в распределении юридических последствий. Добросовестное поведение поддерживается; риск произвола ограничивается; социальная защищенность закрепляется нормативно; в профессиональной среде формируются правовые ожидания, обеспечивающие устойчивость служебной организации. В отличие от абстрактной системы взглядов такая идеология непосредственно участвует в конструировании правового статуса и определяет практику его осуществления.

Профессиональная правовая культура как условие внутренней легитимации стимулов и ограничений

Даже самая стройная система правовых стимулов и ограничений не достигает полной эффективности, если остается только внешним набором предписаний. Право действует через сознание и волю субъекта. Поэтому решающим посредником между государственно-правовой идеологией и реальным служебным поведением выступает профессиональная правовая культура. Она позволяет субъекту

не просто знать норму, но понимать ее смысл, соотносить ее с конкретной ситуацией, принимать ее как обязательную и действовать в соответствии с ней даже в условиях сложности, риска или неопределенности [9].

Профессиональная правовая культура военнослужащего включает несколько взаимосвязанных элементов: специальные юридические знания; уважение к закону; способность оценивать пределы полномочий; понимание служебной дисциплины не только как требования подчинения, но и как формы правового порядка; готовность к личной ответственности; культуру профессионального общения при реализации властных полномочий; устойчивую ориентацию на правомерное поведение [32; 46]. В такой структуре знание права является необходимым, но недостаточным элементом. Оно должно быть соединено с ценностной установкой на законность и практической способностью действовать в правовых пределах [6, с. 149–166].

Через профессиональную правовую культуру ограничения получают внутреннюю легитимацию. Благодаря этому установленные пределы воспринимаются субъектом не как произвольное уменьшение возможностей, а как обусловленная службой мера поведения. Такое понимание особенно значимо применительно к ограничениям публичной активности, предпринимательской деятельности и политического участия, запретам на разглашение информации, требованиям служебного режима и недопустимости выхода за пределы полномочий. С внешней позиции они могут оцениваться как сокращение индивидуальной свободы. В профессиональном правосознании, если оно сформировано надлежащим образом, те же ограничения выступают условием сохранения доверия к специальному статусу [45].

Восприятие стимулов также опосредуется профессиональной правовой культурой. При недостаточном уровне ее развития выплаты, знаки отличия, социальные льготы и карьерные преимущества воспринимаются как формально положенные блага, не зависящие от качества службы. Развитая правовая культура придает стимулу иной смысл: он выступает признанием ценного поведения и одновременно напоминает субъекту о повышенной ответственности. Поэтому награда, гарантия либо льгота не исчерпывается удовлетворением индивидуального интереса, а способствует включению военнослужащего в ценностную систему службы.

Для военнослужащего принципиально важна способность соотносить приказ с

законом и личной ответственностью. Единичное начало и подчиненность образуют организационную основу военной службы, однако в правовом государстве дисциплина не может быть противопоставлена законности. Лишенная правового основания дисциплина вырождается в механическое исполнение. Законность, не подкрепленная дисциплиной, не обеспечивает необходимой устойчивости военной организации. Соединение этих начал является задачей профессиональной правовой культуры. Она формирует зрелого субъекта, который исполняет требования осмысленно, проявляет инициативу, не допуская произвола, и действует решительно, оставаясь в установленных правом пределах.

Эффективность стимулов и ограничений, следовательно, обусловлена как качеством нормативного закрепления, так и состоянием профессиональной среды. Одинаковая юридическая мера по-разному воздействует на личный состав в зависимости от уровня его правовой культуры. В развитой правовой среде ограничение воспринимается как оправданный предел, а стимул – как справедливое признание. В деформированной среде ограничение вызывает сопротивление или формальное соблюдение, а стимул обесценивается либо воспринимается как административная привилегия. Поэтому совершенствование правового регулирования должно сопровождаться правовым воспитанием, правовой подготовкой и развитием этики публично-служебного поведения [11; 38; 39; 41].

Профессиональная правовая культура является также условием обратного воздействия права на сознание субъекта. Стимулы и ограничения не только зависят от культуры, но и сами способны ее формировать. Справедливое поощрение укрепляет доверие к праву; правомерное и соразмерное ограничение поддерживает уважение к законности; произвольное ограничение или необоснованный стимул, напротив, подрывают правовую культуру. Поэтому принцип адаптивного баланса стимулов и ограничений должен учитывать не только формальную цель регулирования, но и его долгосрочное влияние на профессиональное правосознание.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что правовые стимулы и правовые ограничения специального субъекта права обладают не только регулятивным, но и философско-правовым значением. Они являются юридическими средствами, посредством которых государственная правовая идеология переводится из уровня

ценностей, принципов и представлений о должном в уровень конкретного правового статуса и практического поведения. Через ограничения право очерчивает пределы служебной свободы, защищает публичный порядок, дисциплину, безопасность и законность. Через стимулы оно признает и поддерживает добросовестное исполнение долга, профессиональную активность, социальную значимость службы и устойчивость мотивации.

Государственно-правовая идеология в данном контексте не должна пониматься как внешняя по отношению к праву декларация. Она проявляется в самой структуре правового воздействия: в том, какие формы поведения ограничиваются, какие поддерживаются, какие ценности охраняются, какие качества специального субъекта признаются необходимыми, какие гарантии предоставляются лицу, принимающему на себя повышенные обязанности. Поэтому исследование стимулов и ограничений позволяет увидеть государственно-правовую идеологию не как абстрактную категорию, а как действующий юридический механизм.

Для военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации данная проблематика имеет особую значимость. Их специальный правовой статус находится на пересечении личной правосубъектности, воинского долга, публично-служебной функции, дисциплинарной подчиненности и социальной защищенности. В этом статусе ограничения не могут рассматриваться как случайное стеснение, а стимулы – как факультативное преимущество. Они образуют взаимосвязан-

ную систему, обеспечивающую правомерность служебного поведения, устойчивость профессиональной мотивации и соответствие деятельности публичным целям.

Наиболее продуктивной является модель сбалансированного правового воздействия [10]. Чрезмерное преобладание ограничений способно ослабить доверие к праву и сформировать внешне-дисциплинарный, но внутренне неустойчивый тип поведения. Избыточная ориентация на стимулы при недостатке четких пределов снижает нормативную определенность и дисциплинарную устойчивость службы. Поэтому ценность права раскрывается именно в диалектическом сочетании стимулирующих и ограничительных средств, при котором право одновременно охраняет, направляет, поддерживает и воспитывает.

Условием реальной эффективности такой модели является профессиональная правовая культура. Она обеспечивает переход от внешнего выполнения предписаний к внутреннему принятию правовых требований, от формального восприятия стимулов и ограничений – к пониманию их ценностного смысла. В конечном счете государственно-правовая идеология реализуется не только в тексте нормы, но и в правомерном поведении субъекта, способного осознавать законность как внутреннее условие служения. Именно поэтому дальнейшая разработка проблематики правовых стимулов и ограничений должна осуществляться в единстве нормативного, аксиологического и правокультурного измерений.

Список источников

1. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть I). Ст. 4159.
 2. Абезгильдин Р. Р. Сетевые структуры, организованная преступность, синкретизм современной правовой культуры и государственный суверенитет / Р. Р. Абезгильдин, О. А. Клименко, А. К. Мирзоев // Правовое поле современной экономики. 2016. № 2. С. 182–195.
 3. Аврамов С. О. Правовые ограничения, установленные законодательством в отношении военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 1 (70). С. 7–18. DOI 10.61260/2074-1626-2026-1-7-18.
 4. Аврамов С. О. Правовые ограничения: общетеоретическая характеристика и механизмы реализации // Теория государства и права. 2025. № 2–1 (44). С. 14–29. DOI 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_14.
 5. Аврамов С. О. Правовые стимулы в системе социального управления: историко-правовой аспект // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2025. № 1 (30). С. 23–32.
 6. Аврамов С. О. Правовые стимулы и ограничения специального субъекта права (на примере военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации):
-
- ВЕСТНИК ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ. 2026. № 3 (36). ISSN 3033-5949 (онлайн)
VESTNIK VOENNOJ AKADEMII VOJSK NACIONAL'NOJ GVARДИИ. 2026;3(36). ISSN 3033-5949 (online)

теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Аврамов Степан Олегович. СПб., 2026. 212 с.

7. Аврамов С. О. Правовые стимулы и ограничения: диалектическое единство в механизме правового регулирования // Теория государства и права. 2025. № 4–1 (47). С. 20–25. DOI 10.47905/MATGIP_2025_4–1_47_14.

8. Аврамов С. О. Правовые стимулы и правовое стимулирование: теоретико-правовые аспекты и практика применения // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 2 (31). С. 12–19.

9. Аврамов С. О. Профессиональная правовая культура как детерминанта эффективности правовых стимулов и ограничений / С. О. Аврамов, Д. А. Конышев // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 1 (34). С. 297–306.

10. Аврамов С. О. Ценность права: баланс стимулов и ограничений // Закон и право. 2025. № 3. С. 17–25. DOI 10.24412/2073–3313–2025–3–17–25.

11. Баранов П. П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел (теоретические проблемы). М. : ВЮЗШ МВД России, 1991. 127 с.

12. Богатырёв Д. К. Ценности христианского гуманизма и государственно-правовая идеология / Д. К. Богатырёв, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2019. № 11–12. С. 36–43.

13. Виноградова Е. В. Право, свобода, закон. Контрфорс / Е. В. Виноградова, С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Образование и право. 2021. № 9. С. 30–35.

14. Галиев Ф. Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: дисс. ... д-ра юрид. наук. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. 517 с.

15. Горбань В. С. Формирование целостной картины российской истории: синтез археологии, историографии и гуманитарной мысли / В. С. Горбань, С. В. Маликов // Государство и право. 2025. № 12. С. 203–206.

16. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, И. Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд, испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 459 с. (Научная мысль). DOI 10.12737/2151906.

17. Захарцев С. И. Комплексная теория познания права и контекст новых международно-правовых реалий / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Теория государства и права. 2025. № 2–1. С. 64–69. DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2–1_44_64

18. Захарцев С. И. Комплексная теория права как путь познания его сущности / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Научно-исследовательские публикации. 2021. № 1. С. 5–45.

19. Захарцев С. И. Поправки в российское законодательство и комплексная теория права как основа суверенной философии права / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н. В. Ямалетдинова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 172–187. В сб. 310 с.

20. Захарцев С. И. Право в XXII веке: монография / С. И. Захарцев, В. П. Сальников, В. И. Гасумянов. М. : Юрлитинформ, 2024. 264 с.

21. Захарцев С. И. Продолжаем знакомство с комплексной теорией права / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. 2019. № 10. С. 173–183.

22. Захарцев С. И. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2. С. 183–194.

23. Захарцев С. И. Сущность права в фокусе комплексной теории его познания / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Сущность права: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. С. 105–118. В кн. 312 с.

24. Зорина Н. В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты / Н. В. Зорина, О. А. Клименко, А. К. Мирзоев [и др.] // Мир политики и социологии. 2018. № 11. С. 188–193.

25. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / под ред. д-ра юрид. наук С. И. Захарцева; И. А. Ананских, И. Н. Грибов, С. И. Захарцев [и др.]. М. : Юрлитинформ, 2020. 288 с.
26. Клименко О. А. Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры / О. А. Клименко, А. К. Мирзоев, И. Л. Третьяков // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 3. С. 22–28.
27. Кожевников С. Н. Правомерное поведение и правонарушение: сущность и содержание. Н. Новгород: Интелсервис, 2001. 72 с.
28. Комиссаров М. А. Исторические политико-правовые и философско-правовые подходы к трактовке понятия государственно-правовой идеологии // Государственная служба и кадры. 2026. № 1. С. 43–52. DOI: 10.24412/2312-0444-2026-1-43-52.
29. Комиссаров М. А. Историко-теоретические и методологические предпосылки государственно-правовой идеологии // Закон и право. 2026. № 2. С. 23–30. DOI: 10.24412/2073-3313-2026-02-23-30.
30. Комиссаров М. А. Сущность и закономерности формирования суверенной государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. 2025. № 4-1 (47). С. 175–184. DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4-1_47_175.
31. Комиссаров М. А. Сущность и предназначение государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. 2025. № 2-1 (44). С. 135–143. DOI 10.47905/MATJIP_2025_2-1_44_135
32. Крижановская Г. Н. Эволюция обеспечения формирования профессиональной правовой культуры в генезисе правоохранительной системы государства (на примере военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации) / Г. Н. Крижановская, М. В. Яковлев, Д. А. Никонов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5 (148). С. 46–55.
33. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М. : Наука, 1982. 287 с.
34. Лазарев В. В. Правомерное поведение как объект юридического исследования // Сов. государство и право. 1976. № 10. С. 29–37.
35. Оскamayтный В. В. Правомерное поведение личности. Киев: Наукова думка, 1985. 175 с.
36. Сальников В. П. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. П. Сальников, Е. Н. Кондрат, О. С. Борисов // Правовое поле современной экономики. 2016. № 8. С. 133–142.
37. Сальников В. П. Комментарий к Федеральному закону от 03 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный) / В. П. Сальников, О. С. Борисов, Е. Н. Кондрат. М. : Юстицинформ, 2016. 312 с.
38. Сальников В. П. Правовая культура сотрудников милиции. Л. : ВПУ МВД СССР, 1983. 72 с.
39. Сальников В. П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел: учебное пособие. Л. : ВПУ МВД СССР, 1988. 48 с.
40. Сальников В. П. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев [и др.] // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 170–178.
41. Сальников В. П. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел. Л.: ВПУ МВД СССР, 1989. 86 [2] с.
42. Сальников В. П. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 149–162.
43. Сальников М. В. Доктринальные подходы к международному сотрудничеству в борьбе с преступностью: понимание права и синкретизм современной правовой культуры / М. В. Сальников, С. П. Сальников, И. Л. Третьяков // Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 125–131.
44. Хабибулин А. Г. Государственная идеология как основа суверенности современной России // Теория государства и права. 2024. № 3-2 (40). С. 200–204. DOI 10.25839/MATGIP_2024_3-2_40_200.
45. Яковлев М. В. Правовая культура как детерминанта эффективного применения правовых стимулов и ограничений / М. В. Яковлев, Д. А. Никонов, С. О. Аврамов // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2(189). С. 100–105.

46. Яковлев М. В. Профессиональная правовая культура: теоретико-правовое исследование (на примере военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Яковлев Михаил Валерьевич. Саратов, 2021. 27 с.

References

1. Federal'nyy zakon ot 3 iyulya 2016 g. № 226-FZ «O voyskakh natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii» // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2016. № 27 (chast' I). St. 4159. (In Russ).
2. Abezgil'din R. R. Network structures, organized crime, syncretism of modern legal culture and state sovereignty / R. R. Abezgil'din, O. A. Klimenko, A. K. Mirzoyev // Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki. 2016;2: 182–195. (In Russ).
3. Avramov S. O. Legal restrictions established by legislation in relation to military personnel of the National Guard of the Russian Federation // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychaynyye situatsii. 2026;1(70): 7–18. DOI 10.61260/2074–1626–2026–1–7–18. (In Russ).
4. Avramov S. O. Legal restrictions: general theoretical characteristics and implementation mechanisms // Teoriya gosudarstva i prava. 2025;2–1(44): 14–29. DOI 10.47905/MATGIP_2025_2–1_44_14. (In Russ).
5. Avramov S. O. Legal Incentives in the System of Social Management: Historical and Legal Aspect // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voyennogo instituta voysk natsional'noy gvardii. 2025;1(30): 23–32. (In Russ).
6. Avramov S. O. Pravovyye stimuly i ogranicheniya spetsial'nogo sub'yekta prava (na primere voyennosluzhashchikh voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii): teoretiko-pravovoy aspekt: Dis. ... kand. yurid. nauk: 5.1.1 / Avramov Stepan Olegovich. SPb., 2026. 212 s. (In Russ).
7. Avramov S. O. Legal Incentives and Restrictions: Dialectical Unity in the Mechanism of Legal Regulation // Teoriya gosudarstva i prava. 2025;4–1(47): 20–25. DOI 10.47905/MATGIP_2025_4–1_47_14. (In Russ).
8. Avramov S. O. Legal Incentives and Legal Incentives: Theoretical and Legal Aspects and Practical Application // Vestnik Voennoy akademii voysk natsional'noy gvardii. 2025;2(31): 12–19. (In Russ).
9. Avramov S. O. Professional Legal Culture as a Determinant of the Effectiveness of Legal Incentives and Restrictions / S. O. Avramov, D. A. Konyshchev // Vestnik Voennoy akademii voysk natsional'noy gvardii. 2026;1(34): 297–306. (In Russ).
10. Avramov S. O. The Value of Law: The Balance of Incentives and Constraints // Zakon i pravo. 2025;3: 17–25. DOI 10.24412/2073–3313–2025–3–17–25. (In Russ).
11. Baranov P. P. Professional'noye pravosoznaniye rabotnikov organov vnutrennikh del (teoreticheskiye problemy). M.: VYUZSH MVD Rossii, 1991. 127 s. (In Russ).
12. Bogatyrov D. K. Values of Christian Humanism and State-Legal Ideology / D. K. Bogatyrov, V. P. Sal'nikov // Mir politiki i sotsiologii. 2019;11–12: 36–43. (In Russ).
13. Vinogradova Ye. V. Law, Freedom, Law. Buttress / Ye. V. Vinogradova, S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // Obrazovaniye i pravo. 2021;9: 30–35. (In Russ).
14. Galiyev F. Kh. Sinkretizm pravovoy kul'tury sovremennoy Rossii: teoretiiko-metodologicheskoye i istoriko-prikladnoye issledovaniye: Dis. ... dokt. yurid. nauk. M.: Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii, 2014. 517 s. (In Russ).
15. Gorban' V. S. Formation of a Coherent Picture of Russian History: Synthesis of Archeology, Historiography and Humanitarian Thought / V. S. Gorban', S. V. Malikov // Gosudarstvo i pravo. 2025;12: 203–206. (In Russ).
16. Dobro, doveriye, spravedlivost', svoboda v filosofsko-pravovoy mysli: antichnost' i sovremennost': Monografiya / Ye. V. Vinogradova, A. O. Vorob'yev, I. N. Gribov [i dr.]; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. P. Sal'nikova. 2-ye izd, ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2025. 459 s. (Nauchnaya mysl'). DOI 10.12737/2151906. (In Russ).
17. Zakhartsev S. I. Comprehend Theory of Legal Knowledge and the Context of New International Legal Realities / S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // Teoriya gosudarstva i prava. 2025;2–1: 64–69. DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2–1_44_64. (In Russ).
18. Zakhartsev S. I. Comprehend Theory of Law as a Way of Understanding Its Essence / S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // Nauchno-issledovatel'skiye publikatsii. 2021;1: 5–45. (In Russ).
19. Zakhartsev S. I. Popravki v rossiyskoye zakonodatel'stvo i komprehendnaya teoriya prava kak osnova suverennoy filosofii prava / S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // Popravki k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i perspektivy razvitiya regional'nogo zakonodatel'stva: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno prakticheskoy konferentsii (g. Ufa, 24 marta 2021 g.) / Otv. red. N. V. Yamaletdinova. Ufa: RITS BashGU, 2021: 172–187. V. sb. 310 s. (In Russ).
20. Zakhartsev S. I. Pravo v XXII veke: monografiya / S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov, V. I. Gasumyanov. M.: Yurilitinform, 2024. 264 s. (In Russ).

21. Zakhartsev S. I. Continuing our acquaintance with the comprehend theory of law / S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // *Mir politiki i sotsiologii*. 2019;10: 173–183. (In Russ).
22. Zakhartsev S. I. Reflections on the Foundations of Russian Sovereign Philosophical and Legal Ideology / S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2020;2: 183–194. (In Russ).
23. Zakhartsev S. I. Sushchnost' prava v fokuse komprekhendnoy teorii yego poznaniya / S. I. Zakhartsev, V. P. Sal'nikov // *Sushchnost' prava: Sbornik statey k 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora M. I. Baytina / Pod red. V. M. Baranova, S. A. Belousova, I. N. Senyakina*. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2022. S. 105–118. V kn. 312 s. (In Russ).
24. Zorina N. V. The Idea of Freedom in the Sovereign Ideology of Law: Axiological and Moral-Legal Aspects / N. V. Zorina, O. A. Klimenko, A. K. Mirzoyev [i dr.] // *Mir politiki i sotsiologii*. 2018;11: 188–193. (In Russ).
25. Ideya svobody. Pravo. Moral' (klassicheskaya i postklassicheskaya filosofiya prava): Monografiya / Pod red. dokt. yurid. nauk S. I. Zakhartseva; I. A. Ananskikh, I. N. Gribov, S. I. Zakhartsev [i dr.]. M.: Yurlitinform, 2020. 288 s. (In Russ).
26. Klimenko O. A. . The Political Concept of Absolute Sovereignty of Marsilius of Padua and Jean Bodin in the Context of the Syncretism of Modern Legal Culture / O. A. Klimenko, A. K. Mirzoyev, I. L. Tretyakov // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2016;3: 22–28. (In Russ).
27. Kozhevnikov S. N. Pravomernoye povedeniye i pravonarusheniye: sushchnost' i sodержaniye. N. Novgorod: Intelservis, 2001. 72 s. (In Russ).
28. Komissarov M. A Historical Political-Legal and Philosophical-Legal Approaches to the Interpretation of the Concept of State-Legal Ideology // *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*. 2026;1: 43–52. DOI: 10.24412/2312-0444-2026-1-43-52. (In Russ).
29. Komissarov M. A. Historical, Theoretical and Methodological Prerequisites of State-Legal Ideology // *Zakon i pravo*. 2026;02: 23–30. DOI: 10.24412/2073-3313-2026-02-23-30. (In Russ).
30. Komissarov M. A. The Essence and Patterns of Formation of Sovereign State-Legal Ideology // *Teoriya gosudarstva i prava*. 2025;4-1(47): 175–184. DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4-1_47_175. (In Russ).
31. Komissarov M. A. The Essence and Purpose of State-Legal Ideology // *Teoriya gosudarstva i prava*. 2025;2-1(44): 135–143. DOI 10.47905/MATJIP_2025_2-1_44_135 (In Russ).
32. Krizhanovskaya G. N. Evolution of Ensuring the Formation of a Professional Legal Culture in the Genesis of the Law Enforcement System of the State (using the example of military personnel of the National Guard of the Russian Federation) / G. N. Krizhanovskaya, M. V. Yakovlev, D. A. Nikonov // *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2022;5 (148): 46–55. (In Russ).
33. Kudryavtsev V. N. Pravovoye povedeniye: norma i patologiya. M.: Nauka, 1982. 287 s. (In Russ).
34. Lazarev V. V. Lawful Behavior as an Object of Legal Research // *Sov. gosudarstvo i pravo*. 1976;10: 29–37. (In Russ).
35. Oskamytnyy V. V. Pravomernoye povedeniye lichnosti. Kiyev: Naukova dumka, 1985. 175 s. (In Russ).
36. Sal'nikov V. P. National Guard Troops and Their Tasks: Participation in the Fight against Terrorism and Extremism / V. P. Sal'nikov, Ye. N. Kondrat, O. S. Borisov // *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*. 2016;8: 133–142. (In Russ).
37. Sal'nikov V. P. Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 03.07.2016 № 226-FZ «O voyskakh natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii» (postateyny) / V. P. Sal'nikov, O. S. Borisov, Ye. N. Kondrat. M.: Yustitsinform, 2016. 312 s. (In Russ).
38. Sal'nikov V. P. Pravovaya kul'tura sotrudnikov militsii. L.: VPU MVD SSSR, 1983. 72 c. (In Russ).
39. Sal'nikov V. P. Pravovaya kul'tura sotrudnikov organov vnutrennikh del: Uchebnoye posobiye. L.: VPU MVD SSSR, 1988. 48 s. (In Russ).
40. Sal'nikov V. P. The Principle of Sovereignty of State-Legal Ideology and Philosophy of Law / V. P. Sal'nikov, D. V. Maslennikov, S. I. Zakhartsev [i dr.] // *Mir politiki i sotsiologii*. 2019;9: 170–178. (In Russ).
41. Sal'nikov V. P. Uvazheniye k pravu v deyatel'nosti organov vnutrennikh del. L.: VPU MVD SSSR, 1989. 86 [2] s. (In Russ).
42. Sal'nikov V. P. The Value Basis of Sovereignty (On the Issue of Sovereign State-Legal Ideology) / V. P. Sal'nikov, D. V. Maslennikov, S. I. Zakhartsev [i dr.] // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2019;11: 149–162. (In Russ).
43. Sal'nikov M. V. Doctrinal Approaches to International Cooperation in the Fight against Crime: Understanding the Law and the Syncretism of Modern Legal Culture / M. V. Sal'nikov, S. P. Sal'nikov, I. L. Tretyakov // *Mir politiki i sotsiologii*. 2016;3: 125–131. (In Russ).
44. Khabibulin A. G. State Ideology as the Basis of Sovereignty of Modern Russia // *Teoriya gosudarstva i prava*. 2024;3-2(40): 200–204. DOI 10.25839/MATGIP_2024_3-2_40_200. (In Russ).
45. Yakovlev M. V. Legal Culture as a Determinant of the Effective Application of Legal Incentives and Restrictions / M. V. Yakovlev, D. A. Nikonov, S. O. Avramov // *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2024;2(189): 100–105. (In Russ).

46. Yakovlev M. V. Professional'naya pravovaya kul'tura: teoretiko-pravovoye issledovaniye (na primere voyennosluzhashchikh voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01 / Yakovlev Mikhail Valer'yevich. Saratov, 2021. 27 s. (In Russ).

Информация об авторах

С. О. Аврамов – кандидат юридических наук
В. П. Сальников – доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
С. А. Кудина – кандидат юридических наук

Information about the authors

S.O. Avramov – Candidate of Sciences (Law)
V. P. Sal'nikov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
S. A. Kudina – Candidate of Sciences (Law)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.07.2026;
одобрена после рецензирования 14.09.2026;
принята к публикации 28.06.2026.

The article was submitted 20.07.2026;
approved after reviewing 14.09.2026;
accepted for publication 28.06.2026.